

Рец. на кн.: ДМИТРИЙ АРЗЮТОВ, СЕРГЕЙ АЛЫМОВ,
ДЭВИД АНДЕРСОН (РЕД.). ОТ КЛАССИКОВ К МАРКСИЗМУ:
СОВЕЩАНИЕ ЭТНОГРАФОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА
(5–11 АПРЕЛЯ 1929 Г.). СПБ.: МАЭ РАН, 2014. 511 с.

(Kunstkamera — Архив. Т. 7)

Антон Вадимович Свешников

Омский государственный университет

55 пр. Мира, Омск, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

20 Мясницкая ул., Москва, Россия

pucholik@rambler.ru

А н н о т а ц и я: Рецензируемая книга содержит первую публикацию полной стенограммы заседания советских этнографов 1929 г. по тексту, сохранившемуся в Архиве МАЭ РАН. Это совещание было важнейшим этапом процесса формирования советской этнографии. Публикация стенограммы снабжена развернутым аналитическим предисловием, комментариями, тематическим и именованным указателями и может стать ценным источником для изучения истории отечественного гуманитарного знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская этнография, совещание этнографов, советский марксизм, история науки.

Д л я с с ы л о к: Свешников А. Рец. на кн.: Арзютов Д., Алымов С., Андерсон Д. (ред.). От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. 511 с. // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 182–188.

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/sveshnikov/

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 33

**A Review of DMITRY ARZYUTOV, SERGEI ALYMOV, DAVID G. ANDERSON (EDS.),
OT KLASSIKOV K MARKSIZMU: SOVESHCHANIE ETNOGRAFOV
MOSKVY I LENINGRADA (5–11 APRELYA 1929 G.)
[FROM CLASSICS TO MARXISM: THE CONFERENCE
OF MOSCOW AND LENINGRAD ETHNOGRAPHERS (5–11 APRIL, 1929)].**

St Petersburg: MAE RAS, 2014, 511 pp. (Kunstkamera — Archive, vol. 7)

Anton Sveshnikov

Omsk State University

55 Mira Av., Omsk, Russia

National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russia

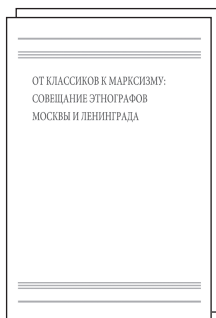
pucholik@rambler.ru

Abstract: The reviewed book contains the first publication of the full stenograph of the Soviet ethnographers conference of 1929 based on the text kept in the archives of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS. This conference was the most important stage in the development of “Soviet ethnography”. The highly professional publication of the stenograph includes a full-fledged preface, commentary, index of topics and authors, and will undoubtedly become a valuable historiographical source for studying the history of Russian humanities.

Key words: Soviet ethnography, conference of ethnographers, Soviet Marxism, history of science.

To cite this article: Sveshnikov A., ‘A Review of Dmitry Arzyutov, Sergei Alymov, David G. Anderson (eds.), Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvyy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) [From Classics to Marxism: The Conference of Moscow and Leningrad Ethnographers (5–11 April, 1929)]. St Petersburg: MAE RAS, 2014, 511 pp.’ *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 33, pp. 182–188.

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/sveshnikov/

Рец. на кн.: **Дмитрий Арзютов, Сергей Алымов, Дэвид Андерсон (ред.)**. *От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.)*. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 511 с. (Кунсткамера — Архив. Т. 7).

Рецензируемая книга содержит первую публикацию полной стенограммы заседания советских этнографов 1929 г. по тексту, сохранившемуся в Архиве МАЭ РАН. Это совещание было важнейшим этапом процесса формирования советской этнографии. Публикация стенограммы снабжена развернутым аналитическим предисловием, комментариями, тематическим и именным указателями и может стать ценным источником для изучения истории отечественного гуманитарного знания.

Ключевые слова: советская этнография, совещание этнографов, советский марксизм, история науки.

Рубеж 1920–1930-х гг. в последнее время привлекает к себе повышенное внимание историков отечественного гуманитарного знания. И этот интерес вполне оправдан: именно в это время шел процесс конструирования специфической системы советской гуманитарной науки, функционировавшей на протяжении последующих десятилетий. Отдельные элементы этой системы сохранились до сих пор. Этот процесс включал, во-первых, приручение науки советским государством (которое нуждалось в гуманитарном знании для обоснования собственной легитимности и хотело иметь возможность в случае необходимости рассчитывать на «правильные» экспертные оценки) и, во-вторых, выработку тогда еще гетерогенным научным сообществом единых представлений о «правильной научности». Среди наиболее известных этапов этого процесса — диспуты о восточном способе производства в Коммунистической академии (май 1929 г. — февраль 1931 г.), дискуссия в социологической секции общества историков-марксистов вокруг книги Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории Западной Европы» (март-апрель 1928 г.), теоретические сессии в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (1932–1934 гг.), создание Института истории Коммунистической академии (ноябрь

Антон Вадимович Свешников

Омский государственный университет /
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва
pucholik@rambler.ru

1929 г.) и, наконец, Академическое дело (1929–1931 гг.). Совещание этнографов, проходившее в ГАИМК с 5 по 11 апреля 1929 г., полная стенограмма которого впервые публикуется в рецензируемом издании, — еще одно звено в этой цепи конструирования советского.

Что дает эта публикация для истории науки? Перед нами материал, позволяющий понять, как происходил процесс «приручения науки». В свое время А.Н. Дмитриев ввел для анализа этого процесса понятие «пустой канон»: сверху был провозглашен курс на построение советской науки, которая должна была базироваться на «единственной подлинно научной» теоретической базе — марксистско-ленинском учении, но самого этого учения — ни как набора обоснованных или операционализированных методологических положений, ни как развернутой теории исторического процесса — еще не было [Дмитриев 2002]. Советским гуманитариям, для которых следование провозглашенному курсу было единственной возможностью сохранить профессию (а порой и просто выжить), приходилось этот канон создавать.

Процесс его создания шел болезненно и бурно, то ослабевая, то активизируясь. Публикуемая стенограмма совещания этнографов наглядно показывает это: перед читателем предстает механизм конкурентного процесса конструирования нового образа науки с различным видением ее функций, предмета, объекта, методологии, дискурсивного режима и этоса. Почти все участники заседания сходятся в том, что необходимо создать «новую науку», а вот понимание того, какой она должна быть, тонет в хаотичном многоголосии. У современного читателя стенограммы возникает ощущение, что участники совещания не понимают или даже не слышат друг друга.

В ходе дискуссий в ГАИМК в полной мере проявилась гетерогенность профессионального научного сообщества. Здесь есть представители старой дореволюционной науки (В.Г. Богораз и В.А. Городцов, хотя нельзя сказать, что оба принадлежали к «старорежимному» академическому истеблишменту) — они принимали новые правила игры, но пытались трансформировать свои давние научные достижения в ценный в новых условиях «символический капитал»; есть «комиссары от науки» (В.Б. Аптекарь) со своими методами дискуссии — агрессивным начетничеством, радикальным редукционизмом и претензией на обладание «абсолютной истиной»; есть ученые, прошедшие дореволюционную школу, но реализующие себя в науке уже в новых условиях (Е.Ф. Преображенский, В.К. Никольский); есть совсем молодые выпускники и учащиеся советских вузов — позже одни станут классиками советской этнографической

науки (22-летний тогда С.П. Толстой, С.А. Токарев), другие канут в безвестность. Каждый из участников этого процесса в групповом и даже личном плане не только продвигал свой проект конструирования новой советской этнографии, но и боролся за укрепление своего статуса в автономном поле новой науки.

В любом случае публикуемая стенограмма демонстрирует ограничения так называемой тоталитарной модели в изучении истории науки, модели, в рамках которой власть навязывает научному сообществу свои правила игры, а ученые, выступая в качестве жертвы, эти правила принимают. В ситуации с советской этнографией все еще сложнее: ученые сами, хоть и под давлением власти, создавали эти правила, а власть присутствовала либо в качестве внешнего значимого имплицитного контекста, либо в форме внутренней самоцензуры участников совещания. Более того, единственного среди участников совещания представителя власти — ректора Коммунистического университета и большевика с дореволюционным стажем М.Н. Лядова — некоторые участники совещания подвергли нелицеприятной критике за неправильное понимание марксистской науки. Можно сказать, что в рамках заданного коридора участники дискуссии внутренне свободны (пусть и солируют в ней «комиссары от науки», причем не в качестве комиссаров, а в качестве ученых). Правда, вскоре, когда канон будет в общих чертах сформирован, власть проявит себе в полной мере, осуществляя весь спектр действий от выполнения функций монополиста абсолютной истины, генератора дискурса, третейского судьи до непосредственной карательной деятельности. Большинство «комиссаров от науки» (среди участников совещания это В.Б. Аптекарь и Н.М. Маторин) будут репрессированы. Тем не менее и в этих новых условиях у ученых останется определенное «пространство для маневра».

Примечательно, что во время совещания в апреле 1929 г. выступающие порой высказывали идеи, созвучные теоретическим поискам мировой науки той эпохи, а иногда близкие и некоторым современным подходам. Не совсем понятно, насколько применима для изучения истории гуманитарного знания теория научных революций Т. Куна (по крайней мере, для исследований становления советского марксизма она мало что дает), но отраженная в публикуемой стенограмме картина напоминает напряженный поиск новой парадигмы, который описывает Т. Кун. Я имею в виду моменты, когда участники дискуссии высказывали интересные и продуктивные идеи, многие из которых остались неуслышанными, а потом, по мере кристаллизации парадигмы, были и вовсе отброшены и забыты. Это, с одной стороны, позволяет взглянуть на историю

науки как на сложный процесс с альтернативами в точках бифуркации — процесс, не имеющий телеологической заданности. С другой стороны — объясняет, зачем нужно читать классиков или их конструировать, в том числе из тех, кто в реальности классиком так и не стал. Соблазн презентистского прочтения классики в какой-то мере проявился в предисловиях к рецензируемому изданию, авторы которых (в первую очередь Е.А. Резван, вслед за В. Тольц [Тольц 2013] и отчасти С. Глебовым [Глебов 2010]) стремятся отнести советских этнографов и востоковедов к предшественникам критики ориентализма в понимании Э. Саида [Саид 2006].

Чего рецензируемой работе не хватает? В первую очередь, исторического контекста: у читателя возникает ощущение, что этнографы обсуждают свои проблемы в пустоте. Эта претензия относится исключительно к интерпретирующей части издания — в самой стенограмме, как ни странно, исторический контекст есть, и участники дискуссии апеллируют к нему достаточно часто. Но ни в комментариях, ни в развернутом предисловии, написанном С.С. Алымовым и Д.В. Арзютовым, он не обсуждается. Кроме того, в комментариях в дополнение к приведенным биографическим и библиографическим данным явно не хватает сведений историко-институционального плана. Пояснения, что такое «ГАИМК» или «Комакадемия», не говоря уже о более экзотических феноменах вроде КИСС (Комиссия по изучению социального состава) или Джесуповской научной экспедиции, значительно улучшили бы восприятие текста. В обзорном предисловии «Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы» (С. 21–90) этих самых «социальных наук» в качестве контекста нет. Понятно, что в силу практической значимости этнографического знания для строительства многонационального государства положение сообщества этнографов в СССР было весьма специфическим (этот сюжет подробно и аргументированно рассмотрен в монографии Фрэнсин Хирш [Hirsch 2005]). Но эту специфику не стоит абсолютизировать. Если бы авторы предисловия попытались сравнить дискуссии этнографов не только с борьбой «диалектиков» и «механицистов», как это сделано в тексте, но и с другими типологически сопоставимыми дискуссиями советских ученых того времени и выявили в них «общее и особенное», то стало бы ясно, почему полемика на апрельском совещании проходила именно так, а не иначе. Это позволило бы понять, можно ли говорить о ее специфике и историческом значении, строилась ли она по уже отработанным лекалам со своими особенностями (и в чем эти особенности заключались) или же шла

«без руля и без ветрил» и была абсолютно уникальна. Существующий текст оснований для какой-либо одной интерпретации не дает. Кроме того, расширение исторического контекста в предисловии позволило бы понять, насколько не просто было сохранить этнографию как учебную и научную дисциплину. Ведь помимо всего прочего, 1920–1930-е гг. в советской науке были еще и периодом активного переформатирования внутри- и междисциплинарных границ. Многие дисциплины, даже недавно возникшие, но уже имевшие разветвленную инфраструктуру и практическое значение (достаточно назвать педологию или социологию), прекратили свое существование, другие (например, краеведение) были надолго задвинуты на периферию академической жизни. Как при таком положении вещей этнографии удалось сохранить себе «делянку» во взаимодействии с «историей материальной культуры» и, например, фольклористикой? В этом контексте фраза В.Б. Аптекаря о ликвидации этнографии как науки вовсе не выглядит ернической.

Другими словами, осмысление источника кажется «сырым», но в этом отчасти заключается и достоинство публикации. Она дает не абсолютную, но достаточно большую свободу интерпретации. Представляется, что это издание, ставшее результатом серьезной работы, выполненное на высоком профессиональном и полиграфическом уровне и снабженное обстоятельными комментариями, именным и тематическим указателями, может стать важным подспорьем для дальнейших исследований. Рецензируемое издание продолжает наметившуюся тенденцию к публикации подобного рода историографических источников (см., например: [Годес 2009; Краткий курс истории ВКП(б) 2014]), находившихся ранее на периферии исследовательского внимания, и тем самым способствует зарождению новых дискуссий и новых подходов к изучению отечественной науки.

Библиография

- Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое издательство, 2010. 630 с.
- [Годес 2009] Дискуссия об азиатском способе производства: по докладу М.С. Годеса / Под ред. Э.А. Корольчук. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 184 с.
- Дмитриев А.* «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 2(54). С. 29–60.
- Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2014. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)» 1931–1956. 791 с.

- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union (Culture and Society after Socialism). Ithaca: Cornell University Press, 2005. 392 p.

Антон Свешников

A Review of Dmitry Arzyutov, Sergei Alymov, David G. Anderson (eds.), *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Conference of Moscow and Leningrad Ethnographers (5–11 April, 1929)]. St Petersburg: MAE RAS, 2014, 511 pp. (Kunstkamera — Archive, vol. 7)

Anton Sveshnikov

Omsk State University
55 Mira Av., Omsk, Russia
National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russia
pucholik@rambler.ru

The reviewed book contains the first publication of the full stenograph of the Soviet ethnographers conference of 1929 based on the text kept in the archives of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS. This conference was the most important stage in the development of “Soviet ethnography”. The highly professional publication of the stenograph includes a full-fledged preface, commentary, index of topics and authors, and will undoubtedly become a valuable historiographical source for studying the history of Russian humanities.

Keywords: Soviet ethnography, conference of ethnographers, Soviet Marxism, history of science.

References

- Diskussiya ob aziatskom sposobe proizvodstva: po dokladu M. S. Godesa* [Debate on the Asiatic Mode of Production. Based on the Report by M. S. Godes] / Ed. by E. A. Korolchuk. 2nd ed. Moscow: URSS, 2009, 184 pp. (In Russian).

- Dmitriev A., “Akademicheskiy marksizm” 1920–1930-kh gg. i istoriya Akademii: sluchay A. N. Shebunina” [“Academic Marxism” of the 1920–1930s and the History of the Academy of Science: Case of A. N. Shebunin], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 2(54), pp. 29–60. (In Russian).
- Glebov S., *Evraziystvo mezhdru imperiey i modernom: istoriya v dokumentakh* [Eurasianism between Empire and Modern: A Documentary History]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2010, 630 pp. (In Russian).
- Hirsch F., *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca: Cornell University Press, 2005, 392 pp.
- Kratkiy kurs istorii VKP(b). Tekst i ego istoriya* [Condensed History of AUCP(b). Text and History]: in 2 parts. / Comp. by M. V. Zelenov, D. Brandenberger. Moscow: ROSSPEN, 2014. Part 1: *Istoriya teksta “Kratkogo kursa istorii VKP(b)” 1931–1956* [The History of the Text “The Condensed History of AUCP(b)” 1931–1956], 791 pp. (In Russian).
- Said E. W., *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. London: Routledge & Kegan Paul PLC, 1978, 384 pp.
- Tolz V., *Russia’s Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011, 224 pp.